

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Часть первая. Эволюция научной позиции.....	11
I. Метафизический период творчества (до 1920 г.)	13
1. Начало творческого пути.....	13
2. Петербургский период и влияние революции 1917 г.....	27
II. Феноменологический период (1920–1941)	42
1. Первые годы эмиграции	42
2. Фихтеанство, феноменология и другие влияния немецкой философии	53
3. Влияния французской социально-политической мысли	73
III. Диалектический период (1941–1965).....	89
1. Развитие идей Гурвича в контексте американской социологии и правоведения	89
2. Программа интеграции научного знания	98
Часть вторая. Основные элементы научной позиции	107
I. Социологический аспект.....	109
1. Общая характеристика общества	109
2. Методология социальных наук	120
3. Концепция социального времени.....	128
II. Юридический аспект	146
1. Общая характеристика	146
2. Правовая онтология.....	154
3. Правовая гносеология	180
4. Правовая аксиология.....	191
Заключение	207
Приложение	213
1. Избранное из переписки Г.Д. Гурвича	215
Г.Д. Гурвич — В.Э. Грабарю	215
Г.Д. Гурвич — А.С. Ященко	218
Г.Д. Гурвич — К. Леону	219
Г.Д. Гурвич — П.Н. Милюкову	221
Г.Д. Гурвич — И.А. Бунину	223
Г.Д. Гурвич — М.В. Вишняку	224
Г.Д. Гурвич — П.Л. Леону	232
Г.Д. Гурвич — Ж. Валю	236
Г.Д. Гурвич — Ж. Сиро.....	238
Г.Д. Гурвич — М. Моссу.....	239

Г.Д. Гурвич — С.Л. и Т.С. Франк	241
Г.Д. Гурвич — М. Геру	245
Г.Д. Гурвич — М.А. Алданову	246
Г.Д. Гурвич — А.А. Гольденвейзеру	248
Г.Д. Гурвич — М.А. и Т.А. Осоргиным	256
Г.Д. Гурвич — Р. Паунду	259
Г.Д. Гурвич — Ж. Готману	266
Г.Д. Гурвич — Ж. Маритену	267
Г.Д. Гурвич — П.А. Сорокину	268
Г.Д. Гурвич — Ф. и П. Бродель	277
Г.Д. Гурвич — Р. Бастиду	280
2. Материалы из масонского досье Г.Д. Гурвича	285
Мнения членов ложи о Г.Д. Гурвиче	285
Письменное мнение Г.Д. Гурвича	295
По поводу доклада Г.Д. Гурвича о «Масонских впечатлениях»	296
Выход из состава ложи	298
Доклад Г.Д. Гурвича «О долге русских масонов»	299
Набросок доклада Г.Д. Гурвича «Будущность России»	302
3. Из опубликованных работ Г.Д. Гурвича	311
Мой интеллектуальный маршрут	311
Будущность демократии	324
Диалектический гиперэмпиризм и его применение в социологии	344
Социология права	362
Библиография	411
Именной указатель	438
Указатель источников архивных материалов	446

ВВЕДЕНИЕ

Социологическое направление является одним из ключевых подходов к пониманию и объяснению права в современном правоведении. Разумеется, современные социолого-правовые теории во многом опираются на те разработки, которые были осуществлены «основателями» этого направления в первой половине XX в. В их числе — русско-французский мыслитель Г.Д. Гурвич. Творчество Георгия Давидовича Гурвича (1894–1965) примечательно тем, что уже на первый взгляд в нем обнаруживается несколько аспектов. В интеллектуальном плане Гурвич, как и ряд его коллег по Петроградскому университету (Н.С. Тимашев, П.А. Сорокин и др.), прошел эволюцию от правоведения — через психологию и философию — к социологии; в плане методологическом его творчество оказывается разделенным на три этапа (метафизический, феноменологический и диалектический), условными водоразделами между которыми служат две мировые войны. Можно добавить, что Гурвич в разные периоды принадлежал к разным национальным научным школам: он сформировался как русский мыслитель и исследователь, оставался представителем русских академических кругов в период эмиграции в Германии и Чехословакии (1920–1925) и в первые годы проживания во Франции (до конца 1930-х годов). В последующем Гурвич позиционирует себя как французского социолога, постепенно отходит от деятельности русской эмиграции. Французская философская и социологическая мысль становится с 1930-х годов главным объектом исследований ученого, который считает свои теории продолжением именно французского социально-правового дискурса¹.

Такой синтез влияний разных культур очевидным образом сказался на формировании научных взглядов мыслителя, который — даже не всегда сознательно — стремился к нахождению синтеза, связующего звена между разными научными концепциями, традициями, дисциплинами. Термин «взаимодополняемость перспектив», введенный Гурвичем в современную ему социальную философию²,

¹ Гурвич рассматривает себя выразителем основной идеи французской социологии — идеи синтеза «отвлеченных начал» теоретического и практического подхода к социальной действительности (*Gurvitch G. La vocation de la sociologie française est de produire une jonction entre la sociologie théorique et la recherche empirique // Gurvitch G. Ecrits allemands. Paris: L'Harmattan, 2006. Vol. 3.*). Хотя в такой идее скорее можно найти следы влияния русской философии Серебряного века, чем традиций школы Дюркгейма (*Antonov M. Georges Gurvitch et l'influence russe // Anamnèse. 2005. No. 1.*).

² Несмотря на то что данный термин несколько ранее использовался немецким социологом Теодором Литтом, Гурвич настаивает на том, что термин «взаимодополняемость перспектив» был сформулирован им независимо от Литта, с опорой на идеи Лейбница (*Gurvitch G. Réponse à une critique. Lettre ouverte à Professeur L. von Wiese // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1952. No. 11. P. 96.*).

вполне может характеризовать основную черту его собственной научной концепции, которую он небезосновательно рассматривал как плюралистическую. Именно благодаря этой черте творчество Гурвича привлекает особое внимание исследователей в контексте развития современного научного знания — знания, которое все дальше отходит от монистических установок и все более приближается к плюралистической «постклассической» научной парадигме³.

В этом смысле Гурвич стал одним из инициаторов пересмотра принципов классической рациональности в социологии и правоведении. Превосходный пример такого подхода представляют правовые взгляды мыслителя, особенно в исследованиях о социальном праве и юридическом опыте. Так, социальное право было задумано как научная концепция, способная объединить в рамках одной познавательной модели принципы нормативизма, психологизма, социологизма и юснатурализма, которые традиционно противопоставлялись друг другу⁴, а учение о юридическом опыте было призвано дать методологическое обоснование этому научному замыслу через интеграцию феноменологической, метафизической, позитивистской перспектив науки о праве⁵.

Творчество Гурвича можно разделить на метафизический (до начала 1920-х годов), феноменологический (с начала 1920-х до начала 1940-х годов) и диалектический (с начала 1940-х годов и до кончины мыслителя) периоды. Эта периодизация, равно как и любая другая, схематична и требует множества оговорок. Прежде всего, критерием является направленность исследований, но отнюдь не их методология. Последняя включает у Гурвича множество элементов различных, порой гетерогенных, научных концепций и по большому счету представляет собой баланс научных влияний, оказавшихся на формировании мировоззрения ученого. Гурвич никогда не порывал полностью с научной концепцией, оказавшей на него воздействие. Даже говоря о преодолении таких концепций, мыслитель оставлял им место не только в описании истории соответствующей научной дисциплины, но и в собственном

³ См. об этом: Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3; Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.

⁴ Интересно отметить, что такая интеграция мыслилась ученым в терминах русской религиозной философии как всеединство и соборность. См., в частности: Отчет о защите диссертации Г.Д. Гурвича (приложение к письму Г.Д. Гурвича М.В. Вишняку от 25 января 1932 г.) // Библиотека им. Лилли при Университете Индианы. Коллекция Т. Вишняк. Здесь и далее оригинальные названия зарубежных источников архивных материалов см. в Указателе источников архивных материалов: с. 446–448 настоящего издания. — Примеч. ред.

⁵ Такая позиция была охарактеризована современным Гурвичу французским юристом Ж. Бонказом как «юридический романтизм» — термин, который затем был применен к концепции Гурвича канадским правоведом Ж.-Ж. Беллеем, видевшим в этой концепции бунт против тривиальности, против восприятия права лишь в функциональном аспекте (*Bolley J.-G. Deux journées dans la vie du droit: Georges Gurvitch et Ian R. Macneil // Normes juridiques et régulation sociale / F. Chazel, S. Commaille (éds). Paris: LGDJ, 1991. P. 112*) и во имя понимания права не только как реализованной регулятивной системы, но и как проекта осуществления ценностей (*Ibid.*, p. 120).

научном мировоззрении⁶. Иными словами, преодоление теорий предшествующих авторов означало для Гурвича не гегелевское *Aufhebung*, не систематизацию «здравых» элементов этих концепций в новом методологическом синтезе и в данном смысле вырывание элементов научных концепций из той культурной среды и научной парадигмы, которые эти концепции породили. Мыслитель предпочитал работать с научными концепциями в их целостности и, совершенствуя свою методологию, находить для них место в движении социальной мысли и в актуальной для современности проблематике.

Гурвич последовательно проводил эту линию, хотя и не всегда облекал ее в точные формулы, что вызывало порой заслуженную критику. Для примера можно взять центральный труд ученого «Современное призвание социологии», который разбит на два тома: «Предшественники» (изложение и критика ряда концепций предшествующих авторов) и «Перспективы» (изложение собственной концепции). Критики Гурвича были единодушны, обвиняя автора в завышенной самооценке из-за того, что тот рассматривал всех социологов как своих предшественников⁷ или даже был склонен «уничтожать всех тех, кто до него или рядом с ним разрабатывал сходные научные концепции»⁸. Справедливости ради нужно заметить, что в указанном труде речь шла о селективной работе — об отборе Гурвичем элементов учений наиболее близких ему авторов для построения собственной концепции. В этом смысле характерно, что он почти никогда не выступал с критикой идей тех авторов, с которыми был принципиально не согласен, считая такую критику контрпродуктивной⁹, и ставил себе задачу не опровержения, а «диалектизации» предшествующих концепций в постоянно обновляющейся перспективе научного знания о социуме¹⁰.

Каковы же основные вехи интеллектуального развития Гурвича? В первые годы научных поисков мыслитель был увлечен историческим анализом политico-правовых идей, хотя в его исследованиях уже проявляется тенденция к комплексному анализу права и общества — попытки объяснить элементы учений разных

⁶ Личные бумаги, записи и рукописи мыслителя служат еще одним подтверждением его склонности к постоянной реинтерпретации. Первый систематизатор личного фонда Гурвича в Парижской академии А. Трон, столкнувшись с разнообразием и гетерогенностью материалов этого фонда, так характеризовал научный метод мыслителя, «метод коллажа и рекомпозиции»: «На самом деле, когда Гурвич читал лекции или писал работу о том или ином предмете, затронутом в более ранних лекциях или работах — а это случалось довольно часто, — он обращался к своим ранним работам, рукописям, публикациям. Подобное повторное использование, присущее в творчестве Гурвича как некий призрак, могло принимать форму “заимствования” изрядного количества страниц или же перестановки целых кусков текста» (*Tron H. Inventaire des Archives Georges Gurvitch (1894–1965)*. Paris, 1990. P. 3–4).

⁷ См. прежде всего: *Cuvillier A. Où va la sociologie française*. Paris, 1953; *Wiese L. von. Gurvitchs Beruf der Soziologie // Kölner Zeitschrift für Soziologie*. Bd. 4. 1951–1952.

⁸ *Wiese L. von. Gurvitchs Beruf der Soziologie*. S. 366.

⁹ См. об этом: *Gurvitch G. Réponse à une critique...*

¹⁰ См. основные принципы такой диалектизации в работе Гурвича «Hyper-empirisme dialectique» (*Cahiers Internationaux de Sociologie*. 1953. Vol. 15. P. 3–33).

мыслителей не только через систематизацию их взглядов, но и через анализ социально-политического и правового контекста возникновения соответствующих теорий. Переход ко второму периоду совершается постепенно, после эмиграции в 1920 г. в Германию. Параллельно с подготовкой диссертации о Фихте Гурвич исследует тенденции немецкой философии; стремительно развивающаяся феноменологическая философия занимает внимание молодого ученого, хотя к феноменологии Гурвич идет не напрямую, а через метафизику Фихте.

Зашита диссертации в 1924 г. дает мыслителю возможность переориентировать направление своих научных исследований — замысел, который приносит свой результат в конце 1920-х годов, когда Гурвич входит в научную среду Франции как специалист и популяризатор немецкой феноменологической философии. Отметим еще раз, что до этого его научная деятельность протекала в основном в кругах русской эмиграции. Феноменологические принципы (наряду с принципами русской философии права, в особенности концепций В.С. Соловьева, Ф.В. Тарановского, Л.И. Петражицкого) закладываются в основу исследований о социальном праве и юридическом опыте, в которых Гурвич сформулировал оригинальную для французской философии права «идеал-реалистическую» концепцию права. В дальнейших исследованиях по этике и философии права в конце 1930-х годов формируется новая социологическая модель объяснения нормативных социальных явлений, основу которой мыслитель видел в многоуровневой типологии таких явлений и социума.

Данная модель становится доминирующей в третий период творчества мыслителя (начиная с 1940-х годов). Элементы метафизики и феноменологии в «идеал-реалистической» правовой концепции Гурвича дополняются микро- и макро-социологическим анализом соответствующих феноменов. Эмиграция в США и временная интеграция в научное сообщество этой страны, где господствовали прагматизм, эмпиризм и реализм, несомненно, способствовали развитию соответствующих тенденций в формировании мировоззрения ученого. Двумя новыми доминирующими категориями становятся «форма социабельности» и «тип глобального общества», в исследовании которых постепенно вырабатывается новая методологическая позиция мыслителя. Гурвич отказывается от поиска «всеобщего» и «неизменного» в социальных явлениях — как посредством метафизических конструкций, так и через феноменологическую редукцию — и сосредоточивает свои исследования на конкретных социальных формах и состояниях, их типологизации. Этот подход получает название «гиперэмпирический реализм». В подобной реконструкции или конструировании общества через типологизацию его форм еще проявляются черты феноменологической методологии, но они уже не являются преобладающими. Данная методология характеризуется мыслителем как «диалектическая», интегрирующая принципы взаимодополняющих теорий¹¹.

¹¹ В связи с этим Р. Тулемон справедливо указывает на то, что «мысль Гурвича настолько диалектична, а его принципы настолько взаимопреплетаются, что оказывается необходимым излагать всю его теорию в целом применительно к каждому отдельно взятому вопросу» (*Toulemon R. Sociologie et pluralisme dialectique: Introduction à l'œuvre de Georges Gurvitch. Paris: Nauwelaerts, 1955. P. 8.*) В. Пэлике отмечает социологический характер

Эта тенденция в творчестве мыслителя удачно сочеталась со стремлением к интеграции влияний различных культурных источников. Говоря о поликультурности Гурвича, известный бразильский мыслитель Роже Бастид приводит пример немецкой («романтической», преимущественно направленной на метафизический анализ социальных явлений) и французской научной мысли («рационалистической», направленной на выведение теоретических конструкций из фактов)¹². Гурвич, по мнению Бастида, сумел соединить в своем творчестве эти два социологических направления, «заменив конфликт систем признанием существования гетерогенных аспектов бытия»¹³. В статье, написанной в 1940 г., Бастид сожалеет, что Гурвич не интегрировал в свою концепцию достижений англосаксонской социологической мысли (задача, к которой последний как раз приступал в эти годы)¹⁴. Не упоминает Бастид и о русских влияниях, ограничиваясь признанием решающей роли трансперсонализма Фихте, но, скорее, по причине отсутствия достаточной информации о роли русской социальной мысли в становлении мировоззрения ученого.

Гурвич действительно смог синтезировать в своих трудах элементы четырех вышеназванных научных культур, через влияние которых ему суждено было пройти. Понять аутентичный смысл работ и идей мыслителя можно только посредством классификации и анализа этих различных культурных источников¹⁵. Не случайно мыслитель уделял особое внимание анализу теорий своих предшественников: обычно такой анализ занимал более половины любого его произведения. Рожер Бастид в связи с этим справедливо говорит о «длительной конфронтации между различными доктринаами, с одной стороны, и между отдельными доктринаами и фактами»¹⁶ — с другой; через эту конфронтацию и формировалась мысль Гурвича. Поэтому, по мнению Бастида, «мы не сможем понять образа мыслей Гурвича, если не будем использовать тот же метод»¹⁷ сопоставления различных доктрин. Данную особенность, но в несколько ином аспекте, отмечает и Фернан Бродель. Рецензируя упомянутую книгу Гурвича «Современное призвание социологии», Бродель говорит о свойственной Гурвичу «страсти к разрушению», которая выражается в последовательной деструктивной критике идей предшествующих мыслителей. Вместе с тем он признает, что такой подход — построение собственной

этого учения о праве Гурвича: «вопрос о правовой теории неизменно подразумевает вопрос об обществе» (*Pälke W. Spätbürgerliche Ideologie und Rechtssoziologie (zur marxistischen-leninistischen Analyse philosophischer Aspekten der Rechtssoziologie bei M. Weber, Th. Geiger und G. Gurvitch)*). Halle: Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 1970. S. 118).

¹² Bastide R. La sociologie de Georges Gurvitch // Bastidiana. 2001. No. 35–36. P. 93.

¹³ Ibid. P. 94.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Под термином «культурный источник» понимается совокупность влияний, которые испытал на себе мыслитель в той или иной социально-культурной среде. Речь идет, таким образом, о контекстуализации творчества Гурвича по отношению к истории правовой мысли четырех основных философских культур, в которых он формировался как мыслитель.

¹⁶ Ibid. P. 69.

¹⁷ Ibid.

теории на обломках теорий других авторов — является характерной особенностью научного метода Гурвича¹⁸.

Критическая рецепция взглядов Гурвича характерна для многих исследований, в том числе и его современников. Частично эта рецепция, как мы отметили выше, оказывается эмоциональным ответом на намерение Гурвича построить научно-методологическую концепцию, свободную от тех ошибок и недостатков, в которых мыслитель обвинял правовую и социальную мысль¹⁹, в первую очередь от претензии на системность — ее он считал необходимым заменить на «прагматичность метода, призванного непрестанно доказывать свою действенность в ходе практического применения»²⁰. Впрочем, как будет продемонстрировано ниже, становление идей и концепций мыслителя не может рассматриваться в отрыве от развития современных ему социологии и правоведения.

Гурвич никогда окончательно не примыкал к определенной научной школе, предпочитая оставаться независимым по отношению к господствующим «научным модам» и «идти против течения», будучи «изгнанным из стада социологов и философов»²¹. Как отмечает П. Макдоналд, Гурвич — один из немногих социологов XX в., заслуживающих эпитета «уникальный», хотя «оригинальность взглядов делает его концепцию практически недоступной для понимания»²². С категоричностью последнего тезиса согласиться трудно, так как правовое учение Гурвича хотя и недоступно для понимания без учета положений его общесоциологической и общефилософской концепций, но вполне объяснимо в контексте эволюции взглядов мыслителя.

¹⁸ Braudel F. Georges Gurvitch et la discontinuité du social // Annales: Economie. Sociétés. Civilisations. 1953. No. 8. P. 348.

¹⁹ Основным их недостатком Гурвич считал использование метафизических посылок, которые были характерны как для идеализма, так и для самого последовательного материализма (*Gurvitch G. Die gegenwärtige Lage der Soziologie und ihre Aufgabe // Soziologische Forchungen in unserer Zeit. Leopold von Wiese zum 75 Geburtstag / K.G. Sprecht (Hrsg.). Köln, 1951. S. 11–13.*).

²⁰ *Gurvitch G. Réponse à une critique... P. 95.*

²¹ *Idem. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde // L'Homme et la Société. 1966. No. 1. P. 12.* Ср. с первым употреблением данного сравнения в письме Г. Гурвича Ж. Валю от 4 апреля 1939 г.

²² *McDonald P. The Legal Sociology of Georges Gurvitch // British Journal of Law and Society. 1979. Vol. 6. P. 303.*

Часть первая

ЭВОЛЮЦИЯ
НАУЧНОЙ ПОЗИЦИИ

I. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (до 1920 г.)

1. Начало творческого пути

Георгий Давидович Гурвич родился 24 ноября (2 ноября по новому стилю) 1894 г. в Новороссийске в семье Давида Николаевича (Наташевича) Гурвича, директора крупного Русско-Азиатского коммерческого банка, основанного одним из крупнейших предпринимателей России той эпохи — А.И. Путиловым. Мать Георгия — Полина (Фрума-Песя) Абрамовна Гурвич (урожденная Шабат) была домохозяйкой и вместе с семьей (двумя сыновьями — Георгием и Леонтием) сопровождала мужа в его служебных разъездах. Профессиональная деятельность Давида Николаевича вынуждала семью часто менять место жительства: Гурвичи последовательно жили в Новороссийске (почетными гражданами которого они стали по царскому декрету от 8 марта 1905 г.), Одессе, Ростове-на-Дону, Баку, Риге, Петрограде.

Возможно, именно проведенное в постоянных переездах детство сформировало «мобильность» мироощущения Гурвича, которого его ученик Ж. Баландье характеризует как «великого путешественника по просторам мысли»²³. Русский писатель Борис Мирский (Миркин-Гецевич), глубокий психолог, также отметил эту основную черту характера Гурвича, определяя ее как страсть к «постоянному кочеванию без долгих остановок на месте»²⁴. Как признается сам Гурвич, годы учебы в лицее (Ростов-на-Дону) заложили в его характере и другую черту — «воспринимать любую опасность как приятное развлечение»²⁵. Юноша учился очень старательно, в его аттестате только одна оценка «хорошо» по математике²⁶ и оценки

²³ Balandier G. Georges Gurvitch: sa vie, son œuvre. Paris, 1972. P. 6.

²⁴ См. анкету собеседования Б. Миркина-Гецевича с Г.Д. Гурвичем от 15 апреля 1928 г. в архивах ложи «Северная Звезда» в Париже (Национальная библиотека Франции. Отдел рукописей. Архивы русских масонских лож (Великий Восток Франции — Северная Звезда (1924—1970)). Дело Г. Гурвича. 5/211).

²⁵ Так писал Гурвич своему ученику Ж. Дювињю в 1961 г. по поводу полученного от националистов письма с угрозами, которые через непродолжительное время стали реальностью (письмо Г. Гурвича Ж. Дювињю от 16 декабря 1961 г. // Институт современного издательского дела. Фонд Ж. Дювињю (Дело Г. Гурвича). DVG2. Cote 03).

²⁶ Аттестат зрелости Г.Д. Гурвича в Личном деле Г.Д. Гурвича в Фонде Юрьевского университета (1912—1915) // Исторический архив Эстонии. Фонд Юрьевского университета. Ф. 402. Картон 1. Д. 8003. Ед. хр. 1.6-6.

«отлично» по остальным дисциплинам; хотя он мог и «прогулять урок ради дела, которое считал более важным»,²⁷ а о разносторонности его развития свидетельствуют изданный небольшим тиражом в 1911 г. сборник стихов²⁸ и философские размышления, которыми Гурвич делится в своей автобиографии, — критическое переосмысление гегельянства и марксизма, предпринятое мыслителем в 17 лет²⁹.

Интересные и немаловажные для последующей эволюции мысли ученого встречи состоялись уже в самом раннем детстве: в среде его приятелей и однокашников были ставшие впоследствии очень известными личности, например Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954). Детские годы Гурвич провел в пригороде Баку; его семья жила неподалеку от семьи юного Вышинского, будущего идеолога сталинского режима и заодно разработчика этатистской концепции советского права, «сталинского палача», которого позднее Гурвич «ненавидел ненавистью человека, способного на крайние проявления чувств»³⁰. В лицее Ростова-на-Дону Гурвич встречает Александра Койре, другого выдающегося представителя русской эмиграции³¹, с которым впоследствии поддерживал дружеские контакты. В рижской Николаевской гимназии (1908–1912) молодой человек в 1911 г. заводит дружбу с двумя старшими гимназистами, оставившими позднее заметный след в истории Советской России, — В.В. Ульрихом (1889–1951) и П.И. Кушнером (1889–1968), и, убежденный в «обреченности прогнившего царского режима»³², вместе с новыми друзьями начинает революционную деятельность в кружке социалистов³³. Из-за жесткого характера Павла Кушнера (ставшего после гражданской войны, в ходе которой он командовал Туркестанским фронтом Красной армии, профессором этнологии Московского университета) друзья пророчили ему славу диктатора, и наоборот, мягкому по характеру Василию Ульриху (при Советской власти он стал сначала председателем Военного трибунала (1919), а затем безжалостным судьей, ведшим громкие процессы Савинкова, Троцкого, Тухачевского и др.) в шутку предсказывали карьеру заведующего детским садом³⁴. В этих предсказаниях молодые люди ошиблись, хотя судьба самого Гурвича, которому из-за его резонерства друзья пророчили карьеру адвоката или профессора³⁵, пошла по предсказанной стезе. Самостоятельный характер, увлечение поэзией и политикой не помешали юному Гурвичу получить серебряную медаль за отличную учебу при выпуске из гимназии в 1912 г.³⁶

²⁷ Roux Y. Le choix de Gurvitch // Bulletin de l'AISLF. 1994. No. 10. P. 49.

²⁸ Гурвич Г. Искры мгновенные. Варшава, 1911.

²⁹ Помимо работ Гегеля молодой Гурвич в этом возрасте перечитал огромный объем философской литературы, от Канта и Маркса до Риккerta и Плеханова (*Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde...* P. 9).

³⁰ Freyre G. Mon ami Gurvitch // Anamnèse. 2005. No. 1. P. 153.

³¹ Schuhl P.-M. Nécrologie: Georges Gurvitch (1894–1965) // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1967. No. 92. P. 331.

³² Duvignaud J. Entretien avec Georges Gurvitch // Les Lettres nouvelles. 1959. No. 7. P. 25.

³³ Ibid. P. 24.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ См. атtestат зрелости Г.Д. Гурвича.

После окончания гимназии Гурвич в том же 1912 г. поступил на юридический факультет Юрьевского (Тартуского) университета, где учился в течение трех лет. Среди его наставников были А.С. Ященко, Ф.В. Тарановский, М.Е. Красножен, Л.А. Шалланд и другие видные правоведы России. На время летних каникул молодой исследователь выезжал в Германию, где изучал современную ему немецкую философию в университетах Гейдельберга и Лейпцига под руководством таких видных ученых, как В. Вундт и Э. Ласк³⁷. В эту эпоху юный мыслитель увлечен идеями и работами других немецких мыслителей — Э. Кассирера, Г. Риккerta, В. Виндельбанда, Г. Зиммеля, М. Вебера³⁸. В годы Первой мировой войны интерес Гурвича к немецкой философии остывает — молодой человек увлечен как политическими событиями в России, так и трудами Прудона и Руссо, которые он усердно штудировал в тот период. Вновь к изучению немецкой философской мысли Гурвич приступил лишь после 1920 г., сконцентрировав свое внимание на идеях И.Г. Фихте и попутно постигая правовую доктрину О. фон Гирке.

Первым знакомством с немецкой философией молодой ученый был обязан работам классиков — Фихте и Гегеля. Влияние Гегеля с первого взгляда не так заметно в правовой концепции Гурвича. Но юношеские увлечения диалектикой этого мыслителя не прошли бесследно и оказали определенное влияние на феноменологические симпатии Гурвича впоследствии³⁹. Гурвич критикует диалектику Гегеля за ее догматизм (выразившийся в абсолютизации антиномий, законов, схем исторического развития и даже форм политического устройства), но вместе с тем черпает в ней идеи для развития собственной идеал-реалистической диалектики⁴⁰. Отношение Гурвича к диалектике Гегеля несколько амбивалентно. Так, в своем дневнике он пишет: «Я думал найти в гегельянстве ответ на мучавшие меня противоречия марксизма... Но результат был безутешительным, и мое возмуще-

³⁷ См.: *Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde...* P. 7.

³⁸ Ibid. P. 6.

³⁹ На это обращали внимание многие исследователи. В частности, Леон Бруншвиг в предисловии к работе Гурвича о тенденциях немецкой философии писал, что концепция Гегеля была для автора «центром для репульсий и аттракций, средоточием для мысли... Без этой концепции невозможно объяснить развитие идей и сюжетов в рамках феноменологии» (*Brunschvieg L. Introduction // Gurvitch G. Les tendances actuelles de la philosophie allemande*. Paris, 1930. P. 8). Сам же Гурвич видел в феноменологическом методе «антипод диалектического метода Гегеля» (*Gurvitch G. Phénoménologie et criticisme. Une confrontation entre les deux courants dans la philosophie d'Emile Lask et de Nikolai Hartmann // Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1929. No. 118. P. 250).

⁴⁰ См.: *Gurvitch G. Dialectique et sociologie*. Paris: Flammarion, 1962. P. 83. Основной ошибкой немецкого мыслителя Гурвич считал рационализм и говорил о том, что по этой причине «еще с лицейской поры испытывал глубокое отвращение к идеям Гегеля» и что все его «философское и социологическое развитие шло наперекор гегелевской концепции» (письмо Г. Гурвича Р. Кёнигу от 4 ноября 1963 г. // Исторический архив города Кёльна. Фонд Рене Кёнига. Оп. 1671). Вместе с тем он находил в работах раннего Гегеля элементы иррационализма (см.: *Gurvitch G. Le temps présent et l'idée du droit social*. Paris, 1931. P. 116), которые позволяли более глубоко оценить гегелевскую диалектику, предстающую не столько как диалектика Разума, сколько как диалектика Непознаваемого (см.: *Gurvitch G. Dialectique et sociologie*. P. 73–75).

ние не знало пределов: идея синтеза гражданского общества и семьи в Прусской империи как воплощения конкретной нравственности подтвердила мои худшие опасения по отношению к любой детерминистической концепции и подвела итог моему окончательному разрыву с марксизмом и гегельянством — такими, какими я их воспринимал в свои 17 лет»⁴¹.

В работах зрелого периода Гурвич характеризует диалектику Гегеля как «рационалистическую апологию мистерии обожествления всего относительного через нисходящее и восходящее движение духа, что, в свою очередь, ведет к оправданию любого данного в действительности порядка»⁴². И поэтому такая диалектика «неотделима от мистико-теологического догматизма»⁴³, ошибки которого были частично преодолены в диалектических концепциях Маркса и Прудона. Последние стали не повторением, а «жестким ответом» на теорию Гегеля⁴⁴. Методологическую ошибку этого мыслителя Гурвич находил в смешении двух разных аспектов диалектики — как метода исследования социальной действительности и как формы социальной динамики⁴⁵.

Эта ошибочная позиция, ориентированная на классическую форму научной рациональности, сказывалась и на правовой теории Гегеля, которую Гурвич впоследствии упрекал в следовании принципам римской юриспруденции (противопоставление публичного и частного, безусловный и безграничный характер права частной собственности). В данном аспекте Гурвич соглашается с Марксом: «по природе своей человек не является ни собственником, ни гражданином; его сущность раскрывается в участии в социальном действии»⁴⁶, поэтому индивидуальные права не являются главенствующими в правовой жизни, подчиняясь праву социальному. В то же время Гурвич не соглашается с полным отрицанием права частной собственности, что предлагалось в некоторых политических памфлетах Маркса; отчуждение человека от результатов его труда возможно и при отсутствии частной собственности, но при неправильной организации экономической и политической власти, на что указывал пример Советского Союза⁴⁷.

Что касается влиятельной в те годы кантианской философской традиции, то молодой исследователь практически сразу отказался от «формализма» категорического императива И. Канта, от формальной этики с разделением внешнего и

⁴¹ Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 4.

⁴² Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2: Antécédents et perspectives. Paris: PUF, 1969. P. 243.

⁴³ Ibid. P. 244.

⁴⁴ Ibid. P. 246. Характерно, что именно несогласие с гегельянством, которое составляло методологическую базу официального марксизма, привело молодого Гурвича к разрыву с марксизмом, «как до, так и после двух революций» в России (письмо Г. Гурвича Р. Кёнигу от 4 ноября 1963 г.).

⁴⁵ См.: Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 247. Несмотря на попытки Маркса преодолеть эту ограниченность, его концепции также было свойственно одностороннее понимание диалектики под углом зрения только поляризации социальных явлений и процессов (Ibid. P. 319).

⁴⁶ Ibid. P. 253.

⁴⁷ Ibid. P. 257.

внутреннего закона. Гурвич не принимает и неокантианского разделения наук на номотетические и идеографические, что в дальнейшем скажется на разработанной им диалектической концепции. Да и саму принципиальную посылку Канта о разделении должного и сущего мыслитель считает недостаточно обоснованной: должное и сущее действительно разделяются на уровне субъективности, но отсюда, для Гурвича, не следует, что это разграничение имеет онтологическую основу, как пытались представить Кант и его последователи⁴⁸. Мыслитель критикует и такие принципы неокантианства, как разделение между «пониманием» и «объяснением» и, что важно для понимания его правовой теории, разделение между нормой и фактом⁴⁹.

В поисках основы для своих социально-правовых исследований молодой исследователь обращается к этике Фихте. Система немецкого философа привлекла Гурвича возможностью утверждения Абсолютного через относительное как опоры нравственного и творческого действия без абсолютизации относительного, что имело место в системе Гегеля. Формирование философской позиции молодого ученого не заканчивается преодолением гегельянства — Гурвич понимает методологическую несостоятельность неокантианства, которое критикует за «закамуфлированный платоновский идеализм, примитивный антипсихологизм и антисоциологизм»⁵⁰. Не находит он ответа на свои философские исследования в концепциях известных социологов того времени (Г. Тард, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель).

Но до этого молодому исследователю, равно как и большинству современных ему российских интеллектуалов, пришлось пройти через «испытание» марксизмом. Отношение Гурвича к марксистской теории меняется от категорического приятия в юности до полного отторжения в годы учебы в университете. Вместе с тем нельзя не признать того влияния, которое эта теория оказала на формирование как мировоззрения, так и социологической и правовой концепций ученого. Так же как и в теориях Руссо, Прудона и других мыслителей, Гурвич нашел в теории Маркса глубины, не заметные поверхностному взгляду тех, кто искал в ней политические лозунги. Маркс представлялся ему «наименее догматичным среди основоположников социологии»⁵¹, заслугами которого были создание новой динамичной картины социальной действительности, противоположной статизму и эволюционизму видения социума в концепциях Дюркгейма и Конта⁵², и преодо-

⁴⁸ Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. С. 288–289.

⁴⁹ См. подробнее: Gurvitch G. La crise de l'explication en sociologie // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1956. Vol. 21. P. 9 et suiv. Здесь лежит теоретическое обоснование основных правовых трактатов Гурвича 1930-х годов: мыслитель отказывается от господствующих в правоведении той эпохи понятий аналитической юриспруденции, поскольку они основаны на дуалистических предпосылках кантианства, и развивает новую теорию,званную дать целостный образ права как «идеал-реалистического» явления (см.: Гурвич Г.Д. Идея социального права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. С. 78 и след.).

⁵⁰ Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde... P. 4.

⁵¹ Idem. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 220.

⁵² Ibid. P. 222–223.

ление ложной альтернативы между индивидом и обществом через утверждение их взаимной имманентности друг другу⁵³.

Не случайно Гурвич посвящает ряд своих первых работ в эмиграции анализу теории немецкого мыслителя — его концепции социальных классов как реальных социальных явлений, общефилософским взглядам, среди которых Гурвич высоко ценил тезис о динамичном, изменчивом характере всех форм духовной и материальной жизни, необходимости объяснения каждого социального явления в контексте всего общества⁵⁴. Но в данном аспекте марксистской теории, как и во многих других, Гурвич исходит в немалой степени из собственных представлений, «находя» их в «закамуфлированном» виде у Маркса. Характерно в этом отношении, как Гурвич интерпретирует известные тезисы Маркса о детерминированности сознания бытием, о примате экономики в социальном развитии, о законах исторического развития. По мнению мыслителя, эти тезисы, вопреки самому Марксу, нужно воспринимать только в контексте того капиталистического общества, которое, по сути, являлось предметом изучения немецкого философа⁵⁵. Это объяснялось тем, что данные тезисы не совпадали со сконструированными Гурвичем принципами «социологичности и антидогматизма», которые он находил в теории Маркса⁵⁶.

Далее, можно привести пример теории социальных классов, где Гурвич разрабатывает мысли немецкого философа о классовой структуре обществ и о классах как реальных социальных целостностях, либо пример марксистской диалектики, в которой процесс мышления находит утверждение в связи с социальной средой (хотя Гурвич и критикует эсхатологизм философии истории Маркса)⁵⁷. Применительно к теории социальных классов принципиально важным Гурвич считает не открытие данной формы социабельности, а утверждение Марксом ее плюралистичного, релятивистского характера. Эти идеи, по мнению Гурвича, подспудно присутствуют в концепции немецкого мыслителя, который в зависимости от исследуемого общества (в Англии XVIII в. или в Германии и Франции XIX в.) выделял разный количественный и качественный состав социальных классов⁵⁸. Но данные выводы Гурвича основываются на очень спорной реконструкции идей Маркса. Они, видимо, связаны со стремлением мыслителя найти опору своим идеям в популярной тогда в интеллектуальных кругах Франции марксистской теории.

Гурвич не соглашается с экономическим детерминизмом, утверждаемым марксистами (их интерпретации мыслитель считал далекими от представлений самого Маркса), — объяснение социальных явлений может опираться на анализ только тотальных социальных явлений, но не их отдельных аспектов⁵⁹. Даже если

⁵³ Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou exclu de la horde. P. 254.

⁵⁴ См.: Gurvitch G. La sociologie de Karl Marx. Paris: CDU, 1962. P. 49–79.

⁵⁵ Idem. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 306–307, 312–317.

⁵⁶ Ibid. P. 318.

⁵⁷ См.: Gurvitch G. Etudes sur les classes sociales. Paris: Gonthier, 1966. P. 86 et suiv.

⁵⁸ Ibid. P. 284.

⁵⁹ С этой точки зрения Гурвич критикует попытки объяснения социальных явлений путем формулирования «законов» общественной жизни (наподобие социальной физики О. Конта или исторического материализма К. Маркса) и считает, что при изучении обще-

в определенные периоды истории тех или иных обществ экономика становится доминирующим фактором в социальном бытии, отсюда нельзя выводить «закономерности» (понятие, которое Гурвич подвергает разносторонней критике в одной из своих основных работ)⁶⁰. В этом аспекте Гурвич констатирует порочность исключительно материалистического видения общества и концепции первичности экономического фактора в истории (и соответственно зависимости права от экономической формации), преувеличение роли государства в переходе к новым формам хозяйства и т.д.⁶¹

В данных вопросах мыслитель оказывается ближе к прудонизму, чем к марксизму⁶². Вместе с тем конфронтация этих двух школ и политических течений (особенно в рамках I Интернационала) не означала для Гурвича конфронтации теорий двух мыслителей — Маркса и Прудона⁶³. Общее в их теориях Гурвич находил в принципиальном видении социальной действительности как «действия, усилия, трудового подвига, соревнования социальных групп и классов, ведущего к социальным революциям»⁶⁴. Данная позиция Гурвича логично вытекает из его представлений о социальном плюрализме. Поэтому неудивительно, что он полностью принимает концепцию «праксиса», сформулированную в ранних работах Маркса и означающую, по мнению Гурвича, что борьба классов, конфликт производственных сил и производственных отношений — только внешние выраженияialectического движения взаимодополняемых усилий и устремлений индивидов и коллективов⁶⁵. Здесь опять-таки заметно желание мыслителя найти отсутствующие в концепции Маркса элементы бергсоновской теории социальной динамики, которая стала одним из основных элементов социологии самого Гурвича.

Теория социальной обусловленности институтов общества, равно как и теория социального контекста знания, были восприняты Гурвичем в аспекте сочинений молодого Маркса — в смысле взаимной социальной обусловленности всех социальных процессов, включая право и экономику⁶⁶. Гурвич интерпретирует тер-

ства в ограниченных пределах могут применяться лишь статистические закономерности, но не более. Социология имеет возможность только кausalного объяснения каждого конкретного социального факта и классификации его в рамках социологической типологии (См.: *Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 1.: Sociologie différentielle*. Paris: PUF, 1950. Р. 11) — эта позиция напоминает принципы неокантианства и в следующих изданиях указанной книги была скорректирована в пользу признания возможности качественного анализа социальных явлений.

⁶⁰ См.: *Gurvitch G. Déterminismes sociaux et liberté humaine*. Paris: PUF, 1955.

⁶¹ См.: *Idem. Dialectique et sociologie*. Р. 159.

⁶² См.: *Idem. Pour le centenaire de la mort de P.-J. Proudhon. Proudhon et Marx: une confrontation*. Paris: CDU, 1964. В этом идеологическом противостоянии мыслитель принимает сторону скорее Прудона, чем Маркса (см.: *Gurvitch G. Proudhon et Marx // Cahiers Internationaux de Sociologie*. 1966. Vol. 40. Р. 7–16).

⁶³ См.: *Idem. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 249*.

⁶⁴ Ibid. P. 248.

⁶⁵ Ibid. P. 246.

⁶⁶ В. Пэлике видит ошибку Гурвича в непонимании роли труда в марксистской философии, который Гурвич рассматривает исключительно в материальном аспекте, не замечая экономическую роль труда как формообразующего фактора (см.: *Pälike W. Op. cit.*

мин «производство» в контексте ранних работ Маркса, считая, что этот термин включает в себя и процесс воспроизведения идей и ценностей⁶⁷. Поэтому утверждение Марксом примата производственных сил получает в интерпретации Гурвича характер скорее бергсоновской концепции жизненного порыва, где производственные силы отождествляются с любыми спонтанными или организованными коллективными усилиями.

Мыслитель считает, что основной категорией марксистской теории является категория целостности, «единства глубинных уровней социальной действительности, движение элементов которой фиксируется в типологической классификации»⁶⁸. Впрочем, нужно признать, что и здесь Гурвич навязывает концепции Маркса чуждые ей идеи и категории из социальных теорий Дюркгейма и Зиммеля, которые сам развивал в своей социологической доктрине. Это заметно уже в той критике, которую Гурвич обрушивает на концепцию Маркса в другом аспекте, справедливо отмечая, что социальное единство как взаимодополняемость индивида и общества мыслилось немецким философом только в категориях идеала будущего общественного устройства⁶⁹.

Импонировало Гурвичу и стремление Маркса к поиску новых, более справедливых форм социального устройства, в том числе и в рамках концепции социализма, хотя Гурвич дистанцировался от радикализма политических выводов Маркса и не соглашался с его представлениями об основополагающей роли идеологии в построении диалектической картины общества⁷⁰. Утверждая необходимость установления диктатуры пролетариата в ходе поступательного хода развития истории, Маркс, по мнению Гурвича, противоречил принципам собственной диалектической и релятивистской социальной теории. Представляется, что более логичным для Гурвича было поставить вопрос о том, насколько сконструированные им принципы в действительности присущи марксистской концепции, основные идеологические элементы которой вступали в явный конфликт с этими принципами.

Среди ошибочных идей и положений социальной концепции Маркса Гурвич называл: 1) непоследовательность его релятивизма — утверждение социальных законов и существования единой для общества социальной иерархии, конечной цели социального развития, только на основании тенденций одной общественной формации — капитализма; 2) нечеткость понятия «идеология», которое иногда совпадало со всей сферой духовного воспроизведения общества; 3) недостаточность анализа других, кроме социальных классов, форм социабельности; 4) многозначность термина «отчуждение», который подразумевал как общие для

S. 207). Другой принципиальной ошибкой Гурвича немецкая исследовательница считает его ориентацию на изучение действия права при отказе от поиска причин такого действия (*Ibid.* S. 214).

⁶⁷ См.: *Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 258–259.*

⁶⁸ *Ibid.* P. 225, 260–263.

⁶⁹ *Ibid.* P. 254.

⁷⁰ В этом плане показательна критика Гурвичем идей французского марксиста Л. Гольдмана (*Ibid.* P. 227–228).

социальной жизни явления (объективация результатов творчества), так и свойственные только капиталистическому обществу черты (присвоение труда и фетишизация его результатов)⁷¹.

В связи с этим не совсем оправданна позиция тех исследователей, которые рассматривают Гурвича как марксиста⁷². Однако для этой позиции есть определенные основания в работах самого Гурвича, который заявлял, что «Маркс намного глубже, чем его истолковывают марксисты»⁷³ и что его (Гурвича) социология использует теорию Маркса как одну из главных отправных точек⁷⁴. Верно, что «идеи молодого Маркса признаются Гурвичем в качестве источника вдохновения»⁷⁵, но не более того: это вовсе не означало принятия всех принципов концепции Маркса⁷⁶. Вместе с тем марксизм определял в школьные и университетские годы не только научную, но и практическую позицию формирующегося ученого — как в лицее, так и в университете молодой Гурвич состоял в социал-демократических кружках⁷⁷.

В плане академическом на тот момент Гурвич был прикреплен к кафедре истории русского права Юрьевского университета, возглавляемой Ф. В. Таранов-

⁷¹ Ibid. P. 320–322.

⁷² См.: Swedberg R. Georges Gurvitch. A Study of the Relationship between Class Strategy and Social Thought. Boston, 1978; *Idem*. Georges Gurvitch: The Unhappy Positivist // The Journal of the History of Sociology. 1982. No. 4. P. 66–93; *Idem*. Sociology of Disenchantment: The Evolution of the Works of Georges Gurvitch. N.Y., 1982. Но нельзя не учитывать того, что, говоря о заимствовании ряда концепций и категорий (концепция социальных классов, диалектическая модель социального развития), Гурвич рассматривает себя скорее как критика марксизма, чем как продолжателя линии Маркса (*Gurvitch G. La sociologie de Karl Marx*. P. 8 et suiv.).

⁷³ *Gurvitch G. La sociologie de Karl Marx*. P. 3; *Idem*. La vocation actuelle de la sociologie. Vol. 2. P. 221.

⁷⁴ См.: *Idem*. La sociologie de Karl Marx. P. 58. Нужно отметить, что Гурвич стал во Франции одним из основных исследователей социальной доктрины Маркса, и в немалой степени благодаря исследованиям Гурвича творческое наследие Маркса было интегрировано во французскую социологию, а самого Маркса стали рассматривать не только как экономиста и политического философа, но и как социального мыслителя (*Simon P.-J. Georges Gurvitch et l'histoire de la sociologie* // *Anamnèse*. 2005. No. 1. P. 16–17).

⁷⁵ *Saint-Louis F. Georges Gurvitch et la société autogestionnaire*. Paris: L'Harmattan, 2006. P. 75.

⁷⁶ См. критику марксизма, например: *Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie*. Vol. 1. P. 55 et suiv.; *Idem*. Tiefensoziologie // Wörterbuch der Soziologie / W. Bernsdorf (Hrsg.). Neuwied, 1969. S. 1163; *Idem*. Dialectique et sociologie. P. 157 et suiv. Характерно, что Гурвич противопоставлял работы раннего Маркса работам позднего периода, критикуя их за экономический детерминизм. Так, первая работа Гурвича, которая послужила основой для его последующих разработок по марксизму, была посвящена именно социологии молодого Маркса: *Gurvitch G. La sociologie du jeune Marx* // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1948. Vol. 4. P. 3–47.

⁷⁷ Об участии молодого Гурвича в деятельности социал-демократов до 1912 г. см. выше, а также: *Duvignaud J. Entretien avec Georges Gurvitch...* P. 24–25. В студенческие годы Гурвич входил в секцию меньшевиков в Юрьевском университете и даже передал в эту секцию свою первую работу 1915 г. о Прокоповиче (см. об этом: *Исаков С.Г. Молодые годы знаменитого социолога. Запоздалая юбилейная статья* // Радуга. 1995. № 8–9. С. 27). После переезда в Петроград Гурвич присоединяется к социал-революционерам, но официально в партийной жизни не участвует.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru